

УДК82-84/82-92

ЯВЛЕНИЕ СИНКРЕТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В. М. Шаклеин

В статье анализируются процессы социальной дифференциации в современном российском обществе и лингвокультуре. Автор констатирует наличие в российском обществе “разнокультурного синкретизма” и “культурного билингвизма”.

Ключевые слова: русский язык, лингвокультура, социолингвистика, литературный язык, синкретизм.

В известной комедии “Бриллиантовая рука” есть запомнившаяся многим зрителям и ставшая крылатым выражением фраза — “Стамбул — город контрастов”. Её смысл, очевидно, сводился не только к социальной характеристике этой страны, где богатство соседствовало с бедностью, но и к тому, что богатые слои населения были отделены от бедных слоев. Подобная социальная дифференциация наблюдалась на всех уровнях организации турецкого общества — территориальном (богатые и бедные кварталы), образовательном (учебные заведения для богатых и бедных), культурно-коммуникативном (социальные уровни общения) и т. д.

Социальная дифференциация постепенно становится отличительной чертой и современной российской культуры: появляются дома и кварталы для состоятельных граждан, школы и вузы начинают делиться по признаку материального благополучия учащихся. Соответственно, дифференцируется и институт коммуникации. Так, если бедные и состоятельные граждане пользуются примерно одними и теми же средствами массовой информации (телевидением, радио, газетами, журналами), то в процессе непосредственного общения они в значительной степени отделены друг от друга: большинство состоятельных людей, т. е. относящихся к элитам, предпочитают общаться с такими же, как и они, материально благополучными гражданами. Представители растущего среднего класса (средние предприниматели, менеджеры крупных компаний, брокеры, т. е. граждане, имеющие ежемесячный доход в несколько тысяч долларов) также общаются, в основном, с такими же, как они сами, мотивируя это схожестью жизненных интересов. Что касается мелких предпринимателей и “челночных” торговцев, то они обычно общаются в своем кругу, либо с людьми, близкими им по материальному достатку.

Подобная дифференциация по признаку материального благополучия коммуникантов, несомненно, имеет место в современной российской действительности: на это указывает Л. П. Крысин в предисловии к сборнику “Социальная дифференциация современного русского языка” [4, с. 6]. Тем не менее, авторы ряда исследований, посвященных социальной дифференциации коммуникативного процесса в современном русском языке, наталкиваются на необычное, на первый взгляд, явление: при

очевидной динамике социальных процессов в стране мало что меняется [1, с. 47 – 49].

Вопрос заключается здесь, очевидно, в том, что укрепляющиеся в современной России социальные слои пока ещё слишком малочисленны. Так, по данным Госкомстата РФ, лишь 9% населения страны совокупно можно отнести к разряду элиты, состоятельных людей и среднему классу. Всех остальных можно причислить к большому классу аутсайдеров, культурный уровень которых может лишь деградировать [3, с. 19, 22, 25].

Традиционно и отчасти справедливо большинство авторов при исследовании процессов коммуникации исходят из предположения о том, что социальная среда, в которой происходит общение, в той или иной степени однородна. Тем не менее, коммуникация нередко осуществляется представителями разных социальных слоев и групп. По-другому в России и быть не может, поскольку практически все население продолжает относиться к условному разряду аутсайдеров. Круг богатых людей настолько узок, что в коммуникативном отношении не может замкнуться сам на себя. По-прежнему богатые люди соседствуют как со средне и плохо обеспеченными, так и с необеспеченными гражданами (в среднестатистическом московском доме можно найти и тех, и других, и третьих). Правда, следует отметить появление в последнее время в российских городах новых жилых микрорайонов исключительно для состоятельных граждан.

Кроме того, наблюдаются и объективно существующие ситуации межклассового общения. Таково, например, общение судьи и подсудимого, посетителя и представителя власти, владельца дорогого автомобиля и служащего автозаправочной станции и т. п.

Так или иначе, общение представителей разных слоев общества имеет следствием попытку если и не наладить режим взаимопонимания (представителям класса богатых такое взаимопонимание и не нужно), то хотя бы приспособиться друг к другу в краткосрочном акте коммуникации. Подобное приспособление может касаться и набора языковых средств, и правил их использования в данной ситуации коммуникации, и тактик речевого общения, и невербальной коммуникации. Цель такого приспособления друг к другу, вероятно, состоит в установлении кратковременного акта взаимопонимания, без чего, если не думать только об информативной стороне вопроса, процесс коммуникации в целом теряет смысл и практическую направленность.

В процессе общения с человеком из той же социальной среды и при этом знакомом адресанту, последний более или менее свободен в выборе языковых средств. При общении с “чужим” происходит более тщательная селекция языковых средств, которая осуществляется как в виде переключения с нейтрального на более официальный стилистический регистр, так и в виде самоограничений языкового употребления (например, рабочий, общаясь с владельцем предприятия, избегает ненормативной лексики, которая может быть вполне обычной для его речевого поведения в общении со “своими”), а также в виде редукции сугубо индивидуальных речевых черт: например, слова и выражения, которые человек употребляет в общении с чле-

нами его семьи, едва ли уместны в разговорах с официальными лицами. Аналогичный отбор наблюдается и при общении взрослого с ребенком, подчиненного с начальником, солдата с командиром, учащегося с учителем и т. п. Эти и подобные им ситуации акта коммуникации находят непосредственное отражение в произведениях художественной литературы. В качестве примера можно привести диалоги чеховских персонажей “толстого” и “тонкого”, Очумелого, героя комедии А. С. Грибоедова “Горе от ума” Молчалина.

Нормы использования языковых средств различаются в зависимости от того, происходит ли общение в обычной или, напротив, необычной для говорящего социальной среде. Первые наблюдения, касающиеся такого рода различий, сделал в свое время Л. П. Якубинский [8, с. 32]. В первом случае довольно часты отступления от нормативных форм речи. При общении в непривычной среде говорящий вынужден с большим вниманием следовать правилам употребления языковых средств, — в противном случае его ждет коммуникативная неудача (недоумение, непонимание, отказ от общения) или своего рода санкции со стороны тех, с кем он вступает в контакт (насмешки, осуждение, возмущение и т. п.).

Коммуникация в непривычной среде часто характеризуется тем, что её участники владеют разными субкодами, или подсистемами национального языка: одни, например, — исключительно или преимущественно литературной формой, другие — диалектом, третьи — просторечием или каким-либо социальным жаргоном и т. д.

Акт коммуникации может осуществляться с использованием каждой из этих подсистем: носитель диалекта использует местный говор, носитель просторечия — просторечные слова и обороты, носитель литературного языка — средства языка литературного. Однако при общем относительном взаимопонимании — поскольку все употребляемые при коммуникации средства принадлежат одному национальному языку, — возможны, своего рода, коммуникативные провалы, обусловленные, вероятно, тем, что внешне сходные или тождественные языковые знаки имеют в разных подсистемах неодинаковое содержание: различаются по смыслу, коннотациям, экспрессивно-стилистической окраске, функционально-стилистической принадлежности и т. п.

Практически за каждым актом культурного непонимания стоят социальные различия коммуникантов. Характерно, что подобная ситуация типична для России не только как для страны, находящейся на конкретном историческом этапе развития.

Так, в рассказе А. П. Чехова “Новая дача” инженер Кучеров спрашивает живущих в деревне мужиков, почему они перекопали дорогу, запустили коров в его сад и огород, срубили деревья в лесу. Кучеров обращается к мужикам:

“ — Вы же за добро платите нам злом. Вы несправедливы, братцы. Подумайте об этом /.../ Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою...”

Мужики из речи Кучерова поняли только одно: надо “платить”:

“ — Платить надо. Платите, говорит, братцы, монетой...” (Цит. по: Крысин Л. П. [5, с. 369]).

А. П. Чехов, конечно, утрировал ситуацию взаимного непонимания между разными социальными классами, однако нельзя не признать, что для России она, в некоторой степени, типична. Например, представителю низов рабочего класса крайне сложно понять банкира или финансового брокера. Рассуждения последних об их повседневном быте (современных компьютерах, качестве обслуживания и т. п.) могут лишь раздражать материально неустроенного человека. Правда, при этом он вряд ли выразит свое раздражение, скорее всего он примет в процессе диалога с руководителем позицию подчиненного. Иными словами, сосуществование на одной коммуникативной культурной территории разнородных культурных слоев в русской лингвокультуре было возможно всегда. Данное явление можно назвать разнокультурным синкретизмом.

Вместе с тем разнокультурный синкретизм традиционно был представлен в России недостаточно понимающими друг друга индивидами. Схождение подобного явления в одной личности встречалось крайне редко.

Ситуация изменилась с изменением общественных отношений в 1917 году, когда социальные слои — носители того, что обычно принято называть культурным слоем, культурой в целом, — в большинстве своем были изгнаны из страны или уничтожены, и когда их социальную нишу стали занимать так называемые интеллигенты в первом поколении. Именно тогда разнокультурный синкретизм начал проявляться в одной личности, нередко в массовом порядке.

Вспомним, например, культовый для советской лингвокультуры фильм “Весна на Заречной улице”, где главный герой — представитель культуры социального низа — вдруг проявляет желание учиться, влюбляется в интеллигентную девушку-учителя. В целом, с точки зрения режиссера, все реалистично. В реальной жизни выходцы из рабочих кварталов, пришедшие инженерами на производство или учеными в институты, как правило, представляли собой весьма противоречивые культурные феномены. В них, несомненно, проявлялся природный талант. Но расцветал он крайне редко. Зачастую на этот талант оказывало влияние воспитание, которое человек получал в детстве.

С этой точки зрения российское общество “устоялось” примерно к 70-м годам XX века, когда наметилась более или менее устойчивая тенденция к поддержанию семейных традиций в воспитании и образовании. Как правило, дети представителей интеллигенции, по сравнению с детьми рабочих, гораздо чаще получали высшее образование. Тем не менее явление разнокультурного синкретизма стало входить в обычное для России русло, т. е. проявлялось в непонимании разными социальными стратами друг друга и в одновременном тесном сосуществовании (тесном в буквальном смысле слова — в смысле одной лестничной площадки, одной коммунальной квартиры).

С распадом СССР разнокультурный синкретизм показал черты, сопоставимые с показателями 1917 года. С начала 90-х годов XX в. стал нарастать процесс нарушения устоявшейся социальной дифференциации российского общества: многочисленный слой писателей, журналистов, исследователей, преподавателей, т. е. непосредственных носителей русского литературного языка, неожиданно для себя из

разряда социальной элиты стал переходить в разряд аутсайдеров. Кроме того, само понятие элиты стало наполняться другим содержанием. Однако творческие профессии не утратили имиджа элитарности. Другой вопрос, что в состав творческой элиты стали проникать люди из семей, не имевших традиционного отношения к творчеству. Обычно это были дети, жены, родственники представителей бизнеса и чиновничества, а иногда и сами бизнесмены и чиновники, решившие пойти в политику, писать мемуары, стихи и научные труды.

Именно поэтому с начала 90-х в российские СМИ хлынул поток сниженной лексики. При этом всё-таки следует признать — эти просторечия не были банальными. Бизнесмены и чиновники, как правило, не позволяли себе употребление слов типа “ложить”. Между тем, в настоящее время сниженная лексика продолжает существовать и развиваться, мало реагирует на её негативную оценку с позиций носителей литературного языка (в том числе старой и новой элиты) и соответствующую этой оценке работу специалистов в области культуры речи. В сниженной лексике активно действуют свои тенденции, рождаются свои стилистические пласты, утверждаются “нормы”, эстетика, расширяется сфера проникновения просторечных элементов в систему языка — лексическую, морфологическую, синтаксическую, интонационную. Главное здесь состоит в том, что на литературный язык усиливается влияние языка социального дна.

Очевидно, закономерности укоренения современных просторечий в русском литературном языке проистекают из явления разнокультурного синкретизма. В потенциале язык при “благоприятных” условиях не мог не содержать проявления таких закономерностей. Как указывает Л. А. Капанадзе, “состав носителей просторечия за прошедшие полвека (или чуть более) существенно изменился. “Просторечник” помолодел, стал более образован, социально значим. В обыденном общении он постоянно контактирует с носителем литературного языка, но проявляет при этом стойкость” [2, с. 7]. В этой связи Л. П. Крысин даже говорит о новом просторечии (его термин — “просторечие 2”) [6, с. 56]. “Оно уже фактически порвало связи с диалектами, региональные приметы, если они и есть, для него несущественны” [6, с. 56].

Однако если мы признаем, что современное “литературное” просторечие арегионально, — а чтобы этот тезис утвердить окончательно, нужно изучить просторечие во многих городах России, — если это так, то правомерен вопрос: что объединяет новых интеллигентов-носителей просторечия — от Москвы до Владивостока?

Жизнестойкость сниженной лексики заставляет искать объективные данные, определяющие её языковую природу. Сам объект исследования предстает для нас в двух видах:

1. В виде набора отдельных (не окказиональных, а закрепившихся в лингвокультурном универсуме) языковых образований (слов, включая их акцентологические варианты, словоформ, конструкций), функционирующих как вкрапления в речь, реализующих систему литературного языка;

2. В виде определенных речевых (авторских) “манер” (см., например, описание просторечной манеры строить текст) [3, с. 156 – 182]. В последнем случае можно

констатировать, что даже среди вузовских преподавателей наблюдаются, своего рода, “культурные билингвы”, одновременно употребляющие и литературный, и сниженный язык. Владение подобной манерой речи все чаще входит в моду, служит определенной стилистической изюминкой для все расширяющегося круга людей.

В заключение можно сделать следующий вывод — явление “культурного билингвизма” со временем, по всей видимости, исчезнет. Российское общество снова культурно дифференцируется, каждая социальная страта вновь войдет в свою языковую нишу. Тем не менее, разнокультурный синкретизм, очевидно, останется в русской лингвокультуре в виде одной из ее традиционных особенностей.

Список литературы

1. Абрамова С. А. Социальные процессы и коммуникация в начале XXI века // Герменевтика культуры.
2. Капанадзе Л. А. Современное городское просторечие и литературный язык. // Городское просторечие, Проблемы изучения.
3. Китайгородская М. В. Наблюдения над построением устного разговорного текста // Разновидности городской устной речи.
4. Крысин Л. П. Предисловие // Социальная дифференциация современного русского языка.
5. Крысин Л. П. Речевое отношение в социально-неоднородной среде // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация.
6. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка.
7. Россия в цифрах. Официальное издание/Госкомстат РФ.
8. Якубинский Л. П. О диалогической речи//Русская речь. Вып. 1.

Шаклеин В. М. Явище синкретизму в сучасній російській лінгвокультурі.

У статті аналізуються процеси соціальної диференціації у сучасному російському суспільстві і лінгвокультурі. Автор констатує наявність у російському суспільстві „різнокультурного синкретизму” і „культурного білінгвізму”.

Ключові слова: російська мова, лінгвокультура, соціолінгвістика, літературна мова, синкретизм.

Shaklein V. M. The syncretism in the contemporary Russian linguistic and culture.

The process of social differentiation in the contemporary Russian society and culture (based on linguistic research) is analyzed in this article. The author pointed out the existence of hetero “cultural syncretism” and “cultural bilinguism” in the Russian society.

Key words: the Russian language, sociolinguistic, the literary language, syncretism.

Статья поступила в редакцию 20 октября 2006 г.